

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 2 / 2023, Vol. 14, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK223.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шляков, А. В. Старость в оптике инаковости / А. В. Шляков, Л. В. Ребышева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK223.pdf>

For citation:

Shlyakov A.V., Rebysheva L.V. Aging in the optics of otherness. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(2): 02KLSK223. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK223.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Шляков Алексей Владимирович

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», Тюмень, Россия

Профессор кафедры «Гуманитарных наук и технологий»

Доктор философских наук, доцент

E-mail: schafferhund@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=680196

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57200215406>

Ребышева Лидия Васильевна

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», Тюмень, Россия

Доцент кафедры «Маркетинга и муниципального управления»

Кандидат социологических наук, доцент

E-mail: rebyshevalv@tyuiu.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=419799

Старость в оптике инаковости

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такого феномена как старость. На основании анализа исследовательских работ, посвященных старости, в статье сделан вывод о том, что старость представляет собой совокупность утрат, касающихся физических, социально-психологических, когнитивных навыков и преимуществ. Подобные утраты способствуют формированию из старости образа Другого, который не соответствует основным трендам позднего модерна, что приводит либо к его маргинализации и эксклюзии, или принудительной адаптации через омоложение. Автор обращает внимание на существование двух подходов к оценке старости: биологического и социального. Биологический подход демонстрирует бесполезность существования организма после утраты им репродуктивных функций, в социальном возможность существования старости обоснована через введение символических измерений и появление социально-адаптивных форм её использования. Старость представляет собой искусственно созданный антропологический артефакт, цели которого утрачены. В статье выделены ряд аспектов влияющих на формирование образа Другого, способствующего возникновению геронтофобии: этика потребления, близость смерти, выпадение из номадического потока движения. Выявлено, что инаковость старости в современной культуре определяется невозможностью принять стратегию номадизма (движения) и новизны гиперреального. В номадическом горизонтальном движении позднего модерна отсутствуют качественные скачки, а потому различия и инаковости нивелируются. В медлительности старости обнаруживается возврат к статуарности и восстановление утраченной в позднем модерне Вертикали, которая обеспечивает высоту (дух) и глубину (смысл), через которые и возникает образ Другого в остановившемся объекте. Возникновение Другого в

событийном или смысловом ряду побуждает к переживанию возможности-невозможности соприсутствия. Старость как инаковость выступает инстанцией, соприсутствие с которой приводит человека к осознанию собственной ограниченности, конечности, единичности.

Ключевые слова: старость; инаковость; Другой; культура; геронтофобия; модерн; СМЫСЛ

Время, в котором пребывает человек, определяет его количественный и качественный возраст, и оно может быть структурировано и классифицировано по-разному. Наиболее часто, говоря о человеке, мы можем слышать про стадии детства, юности, зрелости и старости. Старость воспринимается человеком как своеобразный итог его бытия и поэтому заслуживает философского анализа. Именно старику необратимость времени дана наиболее отчетливо и вместе с этим понимание невозможности исправления своих ошибок. Сегодня мы можем обнаружить, что в культурах, которые именуются современными происходит постепенное изменение почитания старости на страх перед старостью. В мире прогрессивного модерна она редко ассоциируется с седовласой мудростью. Она предстает как пугающий Другой, грозящий утратами и лишениями. Сначала уменьшается пространственный охват возможных перемещений, сужаясь до границ города, квартиры и превращаясь в точку, затем утрачиваются культурные связи, здоровье и наконец исчерпывается само время жизни. В таких условиях быть старым неприлично, это наносит оскорблением символу модерна молодому, здоровому человеку, напоминая о неизбежном конце, и заставляет человека всеми возможными способами удержаться в стадии молодости.

Появившаяся в середине XX в. наука геронтология взяла на себя исследования негативных телесных [1], социально-психологических, когнитивных изменений [2], происходящих в преклонном возрасте, а также предлагает меры по их преодолению в виде «здорового старения», активного долголетия [3–5]. Исследовательских работ, которые бы рассматривали старость не как то, что должно быть преодолено, не как время «утраты», а как время «обретения», как самостоятельный, самоценный феномен, особое поле экзистенции и даже «лучшее время жизни», немного [6; 7].

В истории культуры можно выделить две основные траектории по оцениванию старости. Первая связана с низкой оценкой, презрением и вторичностью старости. В архаических сообществах подобная оценка реализовывалась в повествованиях про избавления от стариков. Негативная оценка старости зафиксирована и в мифологии, которая изображает старика глупым, немощным, который, вступая в борьбу за женщину, власть, деньги с молодым человеком неизменно проигрывает. Старость — время уходящего прошлого, а молодость — это наступление нового. Вторая траектория, присутствующая в культуре, оппозиционна предыдущей, и она дает высокую оценку старости. Старость вызывает априорное почтение и ассоциируется с мудростью. Такая позиция, по мнению Пигрова К.С. и Секацкого А.К., возникла в античной цивилизации благодаря формированию философской культуры [8, с. 20].

При подходе к исследованию старости необходимо учитывать различие биологической и социальной оптик. Биологический подход демонстрирует бесполезность существования организма после утраты им репродуктивных функций. После выполнения копирования вида миссия биологической единицы выполнена. Среди низших животных не наблюдается старости (сложно представить себе старую амёбу, пожилого комара), но при переходе к высшим животным, особенно одомашненным, стало возможным появление старых особей. Возможность существования старости появилась благодаря введению символических измерений и появлению социально-адаптивных форм её использования [9]. Её целесообразность была связана с удержанием и редактированием новизны, но для этого сама

старость должна быть мудрой. Старость может быть оплотом цензуры для вербального и смыслового мусора и символом измерения «человеческого». Однако образ архаичного старика-мудреца совсем не соответствует сегодняшнему образу униженного и оскорбленного, больного старика. Вероятно, это расхождение связано с тем, что до старости в архаичные времена могли дожить только те старики, которые действительно были приближены к мудрости. Если такая мудрая старость не достигнута, то происходит её исчезновение естественным путём [10]. В архаическом обществе именно мудрая старость привела к появлению философии и стала ее функцией. Если старость не позволяла с прежней активностью заниматься интенсивной деятельностью, то философия позволяла старости занять саму себя [11]. Старость приобрела право говорить неактуальными словами на вечные темы и наставлять, а философия стала социально одобренным занятием стариков, которое не гарантирует результата, ведь возраст не делает человека мудрее.

Необходимо отметить чисто антропологический характер старости. Если воспитание подрастающего поколения имеет биологическое, рациональное обоснование, то в уважении к старости такой обусловленности нет. В заботе о стариках улавливается элемент самопожертвования, который не может быть объяснен только рационально. Как пишет Лишаев С.А., в существовании старости проявляется «бесцельная целесообразность» [12]. О такой целесообразности писал И. Кант: «Целесообразность может быть без цели, так как причины этой формы мы не усматриваем в некоей воле, но объяснение её возможности выводим из воли. Поэтому мы можем по крайней мере наблюдать целесообразность по форме и не полагая ей в основу цель» [13]. Старость представляет собой искусственно созданный антропологический артефакт, цели которого утрачены [14]. Она напоминает о том, что что-то важное забыто.

Особую роль в формировании негативной оценки старости и ее инаковости играет болезнь. Моделью человека модерна выступает белый, молодой, здоровый европеец мужчина. В обществе, которое убило Бога высшей ценностью становится забота о здоровье. Несмотря на отсутствие жесткой причинно-следственной связи старость прочно ассоциируется с набором болезней (существует даже понятие «старческие болезни» и нередко в поликлинике старик на свои жалобы получает от врача ответ: «Ну, а чего Вы хотели, — возраст»). В этом видится проявление в современном обществе феномена медиализации, то есть выхода медицины за свои границы и охват состояний, не являющихся патологией, но рассматриваемых как медицинская проблема. Этой ситуации посвящены работы ряда западных авторов Лухиалы П., Норденфельта Л., Эванса М., Этчли Р. [15–17]. Распространение явления медиализации способствовало тому, что старость в американском образе жизни была отнесена к «недопустимым поступкам». Стефани Фол пишет, что старение противоречит всем американским идеалам и приводит к другим формам «нежелательных поступков: ожирению и смерти, упоминание о которой является верхом неприличия [18, с. 15]. В основе такого подхода лежит эстетическая оптика, которая и формирует геронтофобию. Но не только молодежь и средний возраст переживают подобный страх и неприятие старости. Сами старики тоже подвержены этому и все чаще стыдятся своего возраста, скрывая его, стремясь выглядеть как можно моложе. Таким образом старость становится «неприличной» инаковостью.

Распространению геронтофобии с образом старости как пугающего Другого способствует и воплотившаяся в мире новая этика, сменившая трудовую этику модерна — этика потребления. Сегодня она составляет фундамент западной цивилизации. Потребляй, этим ты обогащаешь других и помогаешь им потреблять. Этому способствуют и сами вещи-товары, которые сегодня не ориентированы на долгосрочное использование, а подразумевают кратковременное существование, завершающееся технологическим или моральным истощением, поломкой или требуют постоянного обновления своих ресурсов. Для нового товара главной функцией становится не быть новым, но выглядеть как новый. Новизна

предмета возникает не в результате обретения им нового качества, а в результате замены «другим-таким же» более поздним по времени появления в оптике субъекта. Потребительский принцип с неизбежностью отталкивает от старости, которая в стяжательстве явно проигрывает молодости. Сохранить же молодость сегодня можно лишь став лидером по потреблению, тем самым продемонстрировав свою платежеспособность в приобретении ежедневно обновляемых симулякров. Старость не может и не желает участвовать в этой гонке, но извне идет жесткое навязывание молодежного образа жизни как эталона «человеческого» поведения. Не сумевший усвоить эти тренды и подчиниться им, получает статус Другого, подвергается маргинализации и социально-культурной эксклюзии, вплоть до выдворения в «гетто», в качестве которых выступают дома-интернаты, пансионаты для пожилых.

Нельзя обойти вниманием и еще один аспект старости, связанный со страхом смерти. Смерть для старости становится вполне актуальным явлением. Реакция на неминуемость смерти, однако, может проявляться по двум направлениям, о которых писал Кьеркегор С. — Furst (низкий страх) и Angst (высокий страх, страх Божий) [19]. Стремление сохранить себя молодым, соответствующим требованиям культуры модерна (и постмодерна) обусловлено низким страхом, тогда как подлинная старость охвачено страхом не исполнить свое предназначение. В старости-симулякре разум подавлен, а эмоциональное доминирует, в подлинной старости происходит растождествление со своим телом и выход за его границы в область разумной души. Это растождествление в системе «Я-тело» достигается путем аскезы. В подлинности происходит идентификация с телом универсума, с телом культуры, то есть становление Другим. Но необходимо различать страх старости и страх смерти (которая возможна и в ином возрасте). Страх старости — это страх не выполнить предназначение, перестать быть мужчиной или женщиной. Старость, приближающая к смерти, характеризуется повышенным бесстрашием. Это бесстрашие связано с накопившимся у старости опытом переживания боли, по сравнению с которым предстоящая боль от умирания не так уж пугает.

С конца XVIII в., взявшего ориентацию на прогресс, уважение к старости обесценивалось. С увеличением скорости модернизации, урбанизации, с уничтожением традиционного общества, с исчезновением деревень старость лишилась основания, на котором базировалось уважение к ней. Она начала восприниматься как враг любому прогрессу, двигателем которого становилась молодость. Инаковость старости в модерне (и постмодерне) определяется невозможностью принять стратегию номадизма (движения) и новизны гиперреального, а также захватом и удержанием Реального. В номадическом горизонтальном движении позднего модерна отсутствуют качественные скачки, а потому различия и инаковости нивелируются. В медлительности старости обнаруживается возврат к статуарности и восстановление утраченной в позднем модерне Вертикали, которая обеспечивает высоту (дух) и глубину (смысл), через которые и возникает образ Другого в остановившемся объекте. Для молодого человека, который по преимуществу выступает номадическим (кочевым) субъектом, сброс событийности представляется невыносимым экзистенциальным актом, который заполняется симулятивными действиями, во избежание обращения к смыслу. И сам субъект остановки, сталкиваясь с вневременностью и сбросом событийности, обнаруживает в себе Другого. Когда исчезают желания и цели, пропадает будущее как временная проекция неисполненных желаний. Возникает доверие к Другому, утверждается не самость реализуемая через достижение целей, а Другое. «Координация с Другим предполагает отказ от стратегии самореализации, от гонок по горизонтали, от агональности. Она не может быть объективирована в форме результата, сравнимого с результатами других. Здесь не украшают себя достижениями и заслугами, здесь меняют самих себя, согласуя «Я» с Другим» [20, с. 267]. Сумма объективаций в социальной жизни определяет лишь степень общественного признания и не способна определить глубину человеческой «самости». В этой сумме может проявиться лишь эмпирическое «Я», но ноуменальное «Я» старости человека не сводимо к совокупности

объективаций, освобождается от борьбы за достижения эмпирического и относит себя к Другому. Приближение к Другому не зависит от общественных заслуг. Сброс объективаций и принятие завершенности жизни не свидетельствует о потере способности соприсутствия в бытии, это не уныние и не самоубийство, а обращение к другой содержательности жизни. Приближение завершения жизни не подавляет старость, так как все, что наполняло жизнь, (обязательства, надежды, амбиции) исчерпано, а значит освобождено от забот, так как цели, порождавшие их, сняты.

Человек всегда что-то чувствует переживает, ощущает себя. Он всегда пребывает в каком-то состоянии с окружающим и окружающими. Иногда в форме его присутствия наряду с чем-то воспринимаемым проявляет себя что-то особенное, Другое [21] и как внешнее, и как внутреннее инобытие. Если в переживании красоты мир представлен в целостной завершенной гармонии, то при столкновении со старостью возникает ощущение внесения избыточности в бытие, побуждающее либо искать новое место, либо гармонизировать бытие, удалив избыточность (восполнив недостаточность). Возникновение Другого в событийном или смысловом ряду побуждает к переживанию возможности-невозможности соприсутствия. Старость, как инаковость, выступает инстанцией, соприсутствие с которой приводит человека к осознанию собственной ограниченности, конечности, единичности.

Когда в фокусе внимания находится исчерпанность временного ресурса объекта, вместе с ней приоткрывается и Другое, вневременное. Переживанию старости сопутствует переживание Другого как одновременная данность присутствия и отсутствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конев, В.А. Тела человека / В.А. Конев. — Текст: непосредственный // *Mixtura verborum*. 2010: тело и слово. Философский ежегодник / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Самар. гуманит. акад., 2010. — С. 33–41.
2. Randall, W. Aging, irony and wisdom: On the narrative psychology of later life / W. Randall. — Текст: непосредственный // *Theory a. psychology*. — L., 2013. — Vol. 23, N 2. — P. 164–183.
3. Boudiny, K. «Active ageing»: From empty rhetoric to effective policy tool / K. Boudiny. — Текст: непосредственный // *Ageing a. society*. — Cambridge, 2013. — Vol. 33, N 6. — P. 1077–1098.
4. Liang, J., Luo, B. Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging / J. Liang, B. Luo. — Текст: непосредственный // *J. of aging studies*. — Oxford, 2012. — Vol. 26, N 3. — P. 327–334.
5. Palmore, E.B. Auto-gerontology: A personal Odyssey / E.B. Palmore. — Текст: непосредственный // *J. of applied gerontology*. — L.; Thousand Oaks (CA), 2017. — Vol. 13, N 11. — P. 1295–1305.
6. Пигров, К.С. Старость — лучшее время человеческой жизни / К.С. Пигров. — Текст: непосредственный // *Мост*. — 2001. — № 42. — С. 51–52.
7. Косилова, Е.В. Философия возраста: Взаимосвязь экзистенциального и познавательного взросления человека. — Москва: ЛЕНАРД, 2014. — 160 с. — Текст: непосредственный.
8. Пигров, К.С. Бытие и возраст / К.С. Пигров, А.К. Секацкий. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. — 250 с. — Текст: непосредственный.

9. Лишаев, С.А. Старость и современность / С.А. Лишаев. — Текст: непосредственный // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология.» — 2007. — № 1. — С. 71–81.
10. Рыбакова, Н.А. Проблема старости в европейской философии: от античности до современности / Н.А. Рыбакова. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. — 288 с. — Текст: непосредственный.
11. Адо, П. Философия как способ жить: беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / П. Адо. — Москва: Степной Ветер; Санкт-Петербург: Коло, 2005. — 283 с. — Текст: непосредственный.
12. Лишаев, С.А. Эстетика Другого / С.А. Лишаев. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. — 380 с. — Текст: непосредственный.
13. Кант, И. Сочинения в шести томах. Том 5. — Москва: Академия наук СССР, Институт Философии, Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1966. — С. 222–223. — Текст: непосредственный.
14. Игнатьева, И. Ф. Проблема артефакта: онтология, эпистемология, аксиология / И.Ф. Игнатьева. — Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2002. — 86 с. — Текст: непосредственный.
15. Evans, M., Louhiala, P., Puustinen, R. Philosophy for Medicine: Applications in a Clinical Context / M. Evans, P. Louhiala, R. Puustinen. Oxford/San Francisco: Radcliffe Medical Press, 2004. 157 p. — Текст: непосредственный.
16. Atchley, R.C. A continuity theory of normal aging / R.C. Atchiey. — Текст: непосредственный // The Gerontologist. — Oxford, 1989. — Vol. 29, N 2. — P. 183–90.
17. Nordenfelt, L.Y. Action, Ability and Health: Essays in the Philosophy of Action and Welfare / L.Y. Nordenfelt. Netherlands: Springer Netherlands, 2010. — Текст: непосредственный.
18. Фол, Стефани. Эти странные американцы / С. Фол. — Москва: Эгмонт Россия Лтд., 1999. — 72 с. — Текст: непосредственный.
19. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. — Москва: Культурная революция, 2010. — 488 с. — Текст: непосредственный.
20. Лишаев, С.А. Старость и время. По ту сторону самореализации / С.А. Лишаев — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. — Т. 36. — Вып. 2. — С. 264–278.
21. Лишаев, С.А. Контуры неклассической эстетики (эстетика Другого как феноменология эстетических расположений) / С.А. Лишаев — Текст: непосредственный // Известия Самарского научного центра российской академии наук. — Т. 17. — № 1. 2015. — С. 201–206.

Shlyakov Aleksey Vladimirovich

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: schafferhund@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=680196

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57200215406>

Rebysheva Lidiya Vasilyevna

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: rebyshevalv@tyuiu.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=419799

Aging in the optics of otherness

Abstract. The article is devoted to the consideration of such a phenomenon as old age. Based on the analysis of research papers on old age, the article concludes that old age is a set of losses related to physical, socio-psychological, cognitive skills and benefits. Such losses contribute to the formation of an image of Another from old age, which does not correspond to the main trends of late modernity, which leads either to its marginalization and exclusion, or forced adaptation through rejuvenation. The author draws attention to the existence of two approaches to the assessment of old age: biological and social. The biological approach demonstrates the uselessness of the existence of an organism after the loss of its reproductive functions, in the social the possibility of the existence of old age is justified through the introduction of symbolic dimensions and the emergence of socially adaptive forms of its use. Old age is an artificially created anthropological artifact whose goals have been lost. The article highlights a number of aspects that influence the formation of the image of the Other, contributing to the emergence of gerontophobia: the ethics of consumption, the proximity of death, falling out of the nomadic flow of movement. The otherness of old age in modern culture is determined by the inability to adopt a strategy of nomadism (movement) and the novelty of the hyperreal. There are no qualitative jumps in the nomadic horizontal movement of late modernity, and therefore differences and otherness are leveled. In the slowness of old age, there is a return to statuary and the restoration of the Vertical lost in late modernity, which provides height (spirit) and depth (meaning), through which the image of the Other in the stopped object arises. The appearance of the Other in the event or semantic series prompts the experience of the possibility-the impossibility of co-presence. Old age, as otherness, acts as an instance, the presence of which leads a person to realize his own limitations, finiteness, uniqueness.

Keywords: aging; otherness; other; culture; gerontophobia; modernity; meaning